

Только тогда Цзи Сы снова откинулась на подушки и уставилась на Цинь Цзюнь.

— Я слышала, твои раны опять обострились, вот и пришла проведать, — сказала Цинь Цзюнь, поправила шляпу и уселась в ногах кровати, положив руки на колени.

Лекарь сел сбоку и начал щупать пульс Цзи Сы, а та всё не отводила глаз от Цинь Цзюнь, отчего у той в душе закопошились тревожные мысли.

Закончив осмотр, старый лекарь ушёл выписывать рецепт. Цзи Сы ничего не сказала, сама поднялась и принялась заваривать для Цинь Цзюнь чай.

Приготовив чай, Цзи Сы мягко, но как-то скованно улыбнулась Цинь Цзюнь и протянула чашку:

— Госпожа, чай.

Цинь Цзюнь, судорожно сжимая под рукавами дрожащие колени, прикусила губу и взглянула на Цзиньсю. Та покачала головой: мол, и сюда подсыпали яду, нельзя прикасаться.

Цинь Цзюнь отмахнулась, показывая, что не хочет пить.

— Пойдём поговорим снаружи.

Все трое вышли за ширму. Цинь Цзюнь села, а Цзи Сы и Цзиньсю встали рядом, словно охраняя её.

Это показалось Цинь Цзюнь странным, и она велела Цзи Сы присесть.

— Как самочувствие?

— Гораздо лучше, благодарю госпожу за спасение, — ответила Цзи Сы, глядя на неё светлыми глазами-фениксами, в которых таилась осенняя вода. Болезнь ещё не совсем отпустила, отчего взгляд её, слабый, напоминал дальние горы, окутанные облачной дымкой.

Глаза-фениксы, алые губы, облик, словно у богини реки Ло, — когда она смотрела на тебя, в её взгляде сквозила нежная томность, а порой невольно проступала и лёгкая соблазнительность.

Цинь Цзюнь подумала, что эти взгляды и манеры Цзи Сы переняла в веселом квартале и, видно, впитала их в плоть и кровь, потому теперь невольно их проявляла.

Хорошо ещё, что она сама женщина, а то было бы и впрямь опасно.

Цзи Сы положила руку на стол, обнажив тонкое, изящное запястье — такое хрупкое, что, казалось, его можно обхватить одной ладонью. Как же такая нежная девушка смогла решиться уничтожить десятки тысяч жизней в Великом Чжоу?

Цинь Цзюнь сглотнула. На лице её ничего не отразилось, но в глазах мелькнул испуг, и она невольно отодвинулась назад.

Цзи Сы прищурилась, в её взгляде мелькнула доля кокетства, и она протянула руку, чтобы коснуться Цинь Цзюнь.

Та мгновенно застыла. В миг, когда их пальцы соприкоснулись, Цинь Цзюнь почувствовала лёгкое покалывание. Она резко отдернула руку, сунула её в рукав и сжала в кулак.

Цзи Сы с недоумением посмотрела на неё:

— Госпожа?

— Т-ты... ты же не любишь, когда к тебе прикасаются! — запнулась Цинь Цзюнь.

Цзи Сы опустила глаза, и в их глубине что-то мелькнуло.

— С вами — можно.

Цинь Цзюнь: «...»

Цинь Цзюнь почувствовала что-то странное, смутное беспокойство, которого не могла объяснить.

В комнате снова повисла тишина. Цзи Сы, похоже, несколько стеснялась присутствия Цзиньсю, и Цинь Цзюнь решила что-нибудь сказать, чтобы разрядить обстановку.

Раз уж все события сдвинулись, она хотела спросить Цзи Сы, знает ли та о своём происхождении и не замечала ли поблизости подозрительных людей.

В книге люди из Цзян всё время искали её.

Цинь Цзюнь сильно ущипнула себя за бедро и спросила:

— Какого ты года рождения?

Цзи Сы ответила:

— Одиннадцатого года девиза «Цзюньхэ».

Цинь Цзюнь спросила:

— Откуда родом?

Цзи Сы сказала:

— Родилась в Цзян, но из-за войны скиталась, а в одиннадцать лет меня продали в Цинь-Чжоу.

Цинь Цзюнь тут же посмотрела на неё с сочувствием.

— В Цзян такие диковинные края, что и впрямь людей красотой одаривают.

Цзи Сы тихо возразила:

— У меня облик хань.

Цинь Цзюнь продолжила:

— Хань и цзяньцы давно смешиваются. Может, отец или мать Пинь-нян были хань?

Цзи Сы резко подняла брови, её взгляд стал орлиным, а выражение лица на миг оледенело.

Цинь Цзюнь моргнула, пригляделась — и снова перед ней было бесстрастное лицо.

Цзи Сы сказала:

— Отец был дровосеком в Цзян. Возможно, мать была хань, но мне не довелось её увидеть.

Цинь Цзюнь выразила глубокую скорбь.

— Хм, что ж, ничего. Вдруг ещё встретитесь?

Цзи Сы вдруг спросила:

— Почему госпожа выкупила меня?

Цинь Цзюнь: «...»

Цзиньсю холодно произнесла:

— Дерзость.

Цзи Сы сжала губы и покорно опустила голову.

— Прошу прощения за дерзость.

Цинь Цзюнь сказала:

— Ничего.

В комнате снова воцарилась тишина. Цинь Цзюнь подумала и взяла у Цзиньсю кошелёк.

— Денег хватает?

Цзи Сы кивнула.

— Хватает.

Цинь Цзюнь провела пальцами по поясу, на котором висела золотая подвеска, и, подняв голову, увидела, что Цзи Сы снова смотрит на Цзиньсю. Сердце её ёкнуло, и она предложила:

— Хочешь, найму тебе служанку?

Цзи Сы покачала головой и вновь взглянула на Цинь Цзюнь.

— Я буду служить вам.

Цинь Цзюнь не сразу поняла.

— А?

— Госпожа купила меня, — сказала Цзи Сы, глядя на неё. — Я должна служить вам, чтобы отплатить за добро.

— А, — тупо кивнула Цинь Цзюнь, потом ещё раз. — Ты помнишь мои слова, это верно. Но раны твои ещё не зажили.

Цзи Сы слегка нахмурилась.

— Почти зажили.

Цинь Цзюнь не понимала, что та имеет в виду.

Лекарь закончил выписывать рецепт и ушёл, слуга отправился готовить лекарство, и в комнате остались лишь Цзи Сы, Цинь Цзюнь и Цзиньсю.

Цзи Сы вдруг произнесла:

— Несколько дней назад я сожгла Нефритовый терем.

Цинь Цзюнь слегка поперхнулась.

— Кхм...

Глава 7

Сомнения

—

Цзи Сы налила Цинь Цзюнь чашку чая. Та приняла её, но не стала пить, лишь согревала ладонями.

— Несколько дней назад я ночью выбралась и, зная планировку Нефритового терема, устроила пожар. Матушка Фан и управляющий Чжу сгорели заживо внутри, — пояснила Цзи Сы. В её взгляде не было ни капли раскаяния или страха — напротив, Цинь Цзюнь, казалось, разглядела в её глазах ликование от свершённой мести.

Расправа над злодеями, конечно, приносит удовлетворение.

Но Цинь Цзюнь никак не ожидала, что Цзи Сы откроется ей в поджоге и убийстве, — это полностью выбило её из колеи.

Цинь Цзюнь держала чашку, но чувствовала, как та дрожит в её руках. Она поставила чашку и спрятала руки в рукава.

— Но у тебя же раны, как ты выбралась?

Цзи Сы взглянула на Цинь Цзюнь и опустилась на колени.

Движения её были такими же, как у других, но ощущение от них — иным. Она сидела, поджав ноги, держа руки на коленях, худая, но с прямой спиной и длинной шеей, без тени подобострастия. Даже стоя на коленях, она смотрела на Цинь Цзюнь прямо, не отводя глаз, и вся её осанка дышала холодным достоинством.

Цинь Цзюнь сказала:

— Встань, говори как есть.

Цзи Сы ответила:

— Отвечаю госпоже: немного умею постоять за себя.

— Ты знаешь боевые искусства? — притворилась удивлённой Цинь Цзюнь.

Цзи Сы пояснила:

— В детстве дровосек научил меня кое-каким приёмам, но с тех пор многое забыла. Теперь лишь умею перелезть через стены и в окна.

Цзиньсю, которая уже имела с ней дело, с подозрением спросила:

— Помнится, сводня говорила, будто ты из южного рода Линь? Пока род не пришёл в упадок, это была знатная семья. Может, домашние учителя обучили тебя каким-нибудь приёмам для защиты девиц?

Цзи Сы отвела взгляд:

— Меня много раз перепродавали, и моя история давно превратилась в неразбериху. Утверждать, будто я из рода Линь, — всего лишь уловка торговцев, чтобы поднять цену. Всё это пустые выдумки.

Когда Цзи Сы продали в Нефритовый терем, она была чуть выше пояса среднего мужчины. Вся в поту, в лохмотьях, с исхудавшим лицом, лишь глаза горели ярко — видно было, что ребёнок вырастет красавцем.

Матушка Фан взяла её, и, разумеется, нужно было придумать подходящее происхождение для такой внешности. Кто ж знал, что за нежной наружностью скрывается железный характер?

Когда Цзи Сы исполнилось тринадцать, один клиент, любивший девочек, попытался взять её силой. Она напоила его, а затем задушила мокрой тряпкой. Цзи Сы провела в Нефритовом тереме пять лет и до сих пор оставалась девственницей. Умение ладить с влиятельными господами, сохраняя себя, — не то, чему мог научить дровосек.

Цинь Цзюнь сжала губы, и под вуалью её лицо исказила сложная гримаса.

— Раз я тебя выкупила, забудь о прошлом. Я твоя спасительница, и ты должна как следует отплатить мне за добро. Поняла?

— Поняла, — ответила Цзи Сы, снова склонившись в поклоне. Затем она поднялась и вынула из-за пазухи пачку банкнот и одну нефритовую подвеску.

— Я вернула госпоже то, что вы потратили.

Это были серебро, которое Цинь Цзюнь заплатила за Цзи Сы, и подвеска, отданная матушке Фан, — теперь всё это в целостности и сохранности вернулось к ней через Цзи Сы.

Цинь Цзюнь: «...»

Цзиньсю принялась пересчитывать.

— Сумма не сходится.

Цинь Цзюнь тихо вздохнула.

Цзиньсю доложила:

— На тысячу сто лянов больше.

Цинь Цзюнь дёрнула уголком губ: «...»

Цзи Сы спокойно сказала:

— Неправедно нажитое добро должно быть возвращено.

Цинь Цзюнь: «...»

Цзиньсю взглянула на Цинь Цзюнь, ожидая её решения.

Цинь Цзюнь спросила:

— Если я приму это как знак твоей преданности, ты не рассердишься?

Цзи Сы ответила:

— Нет.

<http://bllate.org/book/16274/1465065>